

УДК 811.161.1

АРХАИЗМЫ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА И СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТРУДА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

© 2011 О.Н. Шевцова

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: Статья посвящена анализу языка исторического труда Н.М. Карамзина «История государства Российского». Определенное место в языке этого произведения занимают архаизмы. Подчеркивается, что языковые архаизмы способствовали созданию более глубокого и конкретного представления у читателя о событиях и явлениях прошлого и отражают писательское мастерство выдающегося историографа. Отмечается взвешенное использование им архаизмов, что не нарушало лексический строй произведения, соответствовавший языку современной Н.М. Карамзину русской культуры и понятный российскому читателю.

Ключевые слова: Архаизм, славянизм, лексика, лексема, текст, экспрессивные приемы языка.

Abstract: The article devotes to the analyses of language of historical work of N.M. Karamzin "History of Russia State". Obsolete words take up specified place in the language of this work. It is points, that obsolete words promoted to the making more profound and concrete idea to the reader about events and phenomenon of past and reproduces author's mastery of distinguished historiographer. It should be noted the weighing using of obsolete words by him, which didn't break the lexical system of the work, which corresponded with the language of contemporary to N.M. Karamzin Russian culture and was understanding to the Russian reader.

Key words: Obsolete word, Slavonicism, vocabulary, lexeme, text, expressive way of language.

Особое место Н.М. Карамзина в русской культуре конца XVIII – начала XIX вв. определяется в значительной мере тем, что в его творческой личности сочетались две ярко выраженных стороны. Одна была связана с его талантом лингвиста и его исключительным чувством языка, что позволяло ему выступать одним из создателей литературного русского языка нового времени. Другая определялась особым интересом его к российской истории. Она выражалась в создании произведений литературы и фундаментальной «Истории государства Российского». Талант лингвиста позволял Н.М. Карамзину выступать в качестве историка, способного донести картину прошлого до читателя. В результате, по замеча-

нию А.С. Пушкина, «даже светские женщины бросились читать историю своего отечества, доселе им неизвестную. Она для них была новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом» [1, 239].

Замечание было не случайным. Оно содержало указание на то, что русская история в репрезентации Н.М. Карамзина оказалась доступной для читателя, не являвшегося историком. Выдающихся ученых XVIII века, «Татищева, Щербатова не читали (за исключением узкого круга историков)», – указывал Н.Я. Эйдельман [2, 45]. Успех «Истории государства Российского» С.П. Залыгин объяснял в контексте разделения М.В. Ломоносовым русского литературного языка на три «штиля», «высокий», «посредственный» и «низкий». Он отмечал, что «до Карамзина никому

и в голову не приходило, что такой возвышенный предмет, как история, можно толковать в стиле «низком», беллетризованном» [3, 12].

Изложение исторического материала великим историографом являлось не только результатом наблюдений за тенденциями в развитии русского языка. Оно складывалось в ходе противостояния в русском обществе традиционалистов и их противников, осознававших невозможность консервации старых форм русского языка и общественных отношений, на базе которых сложились языковые нормы.

Путь к высшему достижению карамзинской исторической прозы, к «Истории государства Российского», лежал через произведения исторической беллетристики. Один из ее образцов, повесть «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода», относился к истории присоединения Новгорода к Московскому государству. Анализ языка повести, проделанный филологом и историком русского языка Л.Л. Кутиной, представляет интерес при анализе языка «Истории государства Российского». Тем более что сюжету присоединения Новгорода и связанным с ним образам Карамзин уделял самое существенное внимание.

Как отмечала Л.Л. Кутина, Карамзин назвал повесть «Марфа Посадница» исторической. Проявилось это в нацеленности «на историческое правдоподобие, вплоть до корректировки документов» [4, 63]. Кутина выделила несколько лексических особенностей этой исторической повести. Во-первых, это подбор лексического материала, благодаря которому создавалась «ритмическая организация текста», что придавало впечатление «важной торжественности» исторической прозы» [4, 66] и позволяло создавать у читателя психологический настрой, дававший возможность воспринимать старину и сформировать состояние погруженности в прошлое Великого Новгорода. В самом деле, наличие «ритмической организации» было характерно для русских средневековых нарративов.

Во-вторых, погружение читателя в новгородскую старину достигалось в повести благодаря употреблению словесной архаики. Как подчеркивала Кутина, архаика употреблялась широко и выражалась в использовании славянизмов. Говоря о славянизмах, Кутина отмечала, что «в силу всеобщности своего употребления они представляют явление фоновое, сопровождавшее лишь общую тональность «торжественной важности». Славянизмы орнаментируют все стилистические пласты повести» [4, 68].

В-третьих, большое значение в образовании стилистического строя повести имела, как подчеркивала Кутина, «общественно-политическая лексика». С ней были тесно связаны «обозначение

нравственно-этического плана (гражданские добродетели и пороки)» [4, 73]. К общественно-политическим лексемам повести относились: «вольность», «свобода», «благо», «независимость», «гражданин», «рабство» и другие. К нравственно-этическим — «добродетель», «достоинство», «честь», «верность», «великодушие», «корыстолюбие», «вероломство» и другие [4, 74-75]. Кутина отметила такую черту этого набора лексем, как «тяготение слов к разным идеологическим центрам и антонимическая противоположность их». К противоположностям она отнесла яркие лексемы: «вольность, свобода» — «рабство», «гордость народная» — «покорность» [4, 75] и другие. Карамзин сталкивал читателя с ситуацией, когда в Новгороде конца XV в. было якобы столкновение ценностных ориентиров современного автору русского общества — свободы и самодержавной власти.

Использование архаизмов Н.М. Карамзина имело место также в «Истории государства Российского». Сравнительный анализ использования этого экспрессивного приема в тексте литературного произведения и исторического труда позволяет выявить представления Карамзина об особенностях репрезентации исторического материала в художественной прозе и в труде по истории. Он позволяет представить его взгляды на место архаизмов в современной русской литературной речи.

Среди архаизмов «Истории государства Российского» часто встречается указательное местоимение «сей» вместо употребительного в новое время местоимения «этот». Говоря о мире, заключенном в 911 г. князем Олегом с греками, Карамзин отмечал: «Сей мир, выгодный для Россиян, был утвержден священными обрядами Веры» [5, т. 1, стб. 81]. То же самое архаичное местоимение было употреблено при характеристике договора Руси с греками 911 г., заключенном Олегом с императором Львом IV: «Сей договор представляет нам Россиян уже не дикими варварами...». Таким же архаизмом является порядковое числительное в сочетании «осьмая статья» [5, т. 1, стб. 85], относящееся к этому же договору. В «Истории государства Российского» это архаичное местоимение встречается часто. Еще один пример архаизма относится к фразе «Корабли Игоревы» [5, т. 1, стб. 90] из описания похода 941 г. князя Игоря на Царьград. Впечатление языковой архаики создавало краткое прилагательное «Игоревы», а также его сочетание с существительным «Корабли», при котором существительное стояло перед этим прилагательным. Архаизмом является славянизм, основанный на неполногласии, в отличие от русского полногласия. Таким славянизмом является второе существительное

в выражении «крест живородящего древа», которое должно было обозначать дар императора Алексея Комнина Владимиру Мономаху. От императора князю также вручили «золотую цепь», а в Оружейной Палате «хранится так называемая Мономахова золотая шапка» [5, т. 2, стб. 90]. В данных словосочетаниях славянизмом является архаичное прилагательное, поскольку в русском языке уже употреблялось прилагательное *золотой* с русским полногласием. Тот же самый архаизм имеется во фразе, относившейся к половецкому хану Севенчу, который «хвалился... зарубить мечом врата Златые» [5, т. 2, стб. 151]. В этом сочетании славянизмом является прилагательное «Златые» и существительное «врата». Интересный архаизм употреблен Карамзиным в описании нашествия Батыя в 1240 г. на Киев, когда в монгольском войске был слышен «рев вельблюдов и волов» [5, т. 4, стб. 9]. Существительное множественного числа в родительном падеже «вельблюдов» взято из летописи. Среди даров, которые принес перед битвой на Калке половецкий хан Котян галицкому князю Мстиславу Удалому, в Новгородской первой летописи младшего извода назывались «вельблуды» [6, 265].

К архаизму, характерному для церковной речи, относилось слово «кумиры», которое Карамзин употребил в рассказе о крещении коми-пермяков Стефаном Пермским. Это было во фразе: «кумиры, разрушенные пламенем, свидетельствовали их ничтожность». То же самое относилось к слову «кудесники». Оно содержалось во фразе: «кудесники вопили», когда «Стефан обратил в пепел одну из их знаменитейших кумирниц» [7, т. 5, стб. 65]. Архаизмом является выражение «ложе Симеоново» [7, т. 5, стб. 106], в котором определяемое существительное следует за определяющим словом, и само слово «ложе» — славянизм. Оно усиливало впечатление от рассказа о злодеянии князя Юрия Святославича, убившего в 1406 г. своего друга, вяземского князя Симеона Мстиславича и его супругу, княгиню Юлианию. Архаизм позволил создать яркий образ последнего представителя рода смоленских князей, занявшего место в ряду образов князей-злодеев. Кархаизмам относится прилагательное в превосходной степени «лютейшие» из фразы «взятые в плен терпели еще лютейшие [муки]» [7, т. 5, стб. 144]. Речь шла о захвате псковичами в 1426 г. литовцев. Это прилагательное, восходившее к прилагательному «лютый», было известно еще со времени «Повести временных лет». Оно употреблялось в Поучении Владимира Мономаха. Рассказывая об одном из эпизодов охоты, князь писал, что «лютыи зверь скочил ко мне на бедра» [8, стб. 251]. Устаревшее прилагательное в превосходной степени создавало образ острейшего псковско-литовского противо-

стояния. Архаизмом во фразе «поддаться Королю иноплеменному» [7, т. 6, стб. 20] было прилагательное. Во времена Карамзина для соответствующей фразы распространены были прилагательные «иноземному» или «иностранныму». Но прилагательное-архаизм «иноплеменному» придавало значимость событиям борьбы за независимость Великого Новгорода, когда Марфа Посадница пыталась найти в Литве альтернативу московской власти. В повествовании о присоединении Новгорода к Московскому государству из «Истории государства Российского» Карамзин употреблял современное слово. Он писал, что новгородцы в 1477 г. «дозволили всем купцам иноземным выехать во Псков» [7, т. 6, стб. 75]. В результате фраза звучит обыденно. В ней торжественность была бы не к месту, речь шла об обычной практике торговых отношений Новгорода. В обосновании правомерности присоединения Новгорода обращает на себя внимание архаичное прилагательное «утлая». Содержащийся во фразе «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России» [7, т. 6, стб. 86], этот архаизм подчеркивал правильность политики ликвидации независимости Новгорода. В объяснительной стороне, относящейся к оценке Ивана III, Карамзин употребил деепричастие «дерзая» и прилагательного «вышних» в отрывке «не дерзая определять вышних намерений Божества» [7, т. 6, стб. 210]. Эти архаизмы несут значительную смысловую нагрузку, способствуя обоснованию глубоко позитивной оценки историком Ивана III.

В рассказе о присоединении Пскова к Московскому государству при Василии III архаизм «в темнице» из фразы «Посадники и все именитые люди в темнице» [7, т. 7, стб. 23] отражал восприятие частью псковского общества этого присоединения как трагедии. Оно присутствует в псковском летописании, а архаизм «в темнице» вместо современного Карамзину выражения «в тюрьме» позволяло углубить впечатление трагедии.

Говоря об осаде русскими войсками в 1513 г. Смоленска, Карамзин указал на «худое искусство в действии огнестрельного снаряда» [7, т. 8, стб. 35], относившееся к русской артиллерии. Прилагательное «худое» являлось архаизмом, относившимся ко времени формирования Московского государства. Оно употреблялось при оценке качества земли при организации податного обложения и отражалось в сошном письме [9, 217].

Архаизм содержится в выражении: «Народ безмолвствовал на стогнах» [7, т. 8, стб. 28], им является существительное в предложном падеже «на стогнах». Оно употреблено вместо распространенных в начале XIX в. выражений «на площадях», или «на широких улицах». Как архаизм это слово использовал А.С. Пушкин, описывая в

поэме «Руслан и Людмила» возвращение в Киев Фарлафа: «*Уже Фарлаф по граду мчится, И шум на стогах восстает*» [11, 69]. В обоих случаях архаизм придавал повествованию торжественность. Но оттенки торжественности, для которой использовался Карамзиным и Пушкиным общий архаизм, неодинаковы. Так, у Карамзина этот архаизм вошел в контекст, благодаря которому он укрепляет ощущение безысходности для народа в период регентства Елены Васильевны Глинской, когда проявлялось «*тиранство*» [7, т. 8, стб. 28]. Для Пушкина этот же архаизм позволил выразить иронию по отношению к герою «Руслана и Людмилы» Фарлафу. Он придавал веселый оттенок, поскольку такой герой не заслуживал торжественности, которую нес в себе архаизм. Но в повествовании о регентстве Елены Глинской Карамзин использовал еще один выразительный архаизм, существительное с неполногласием «*глас*» в выражении: «*Ко гласу оскорбляемой добродетели присоединялся и глас зависти*» [7, т. 8, стб. 28]. Такой «*оскорбляемой добродетелью*» являлась, как указывал историк, «*явная любовь*» вдовы Елены Глинской к своему фавориту, князю Овчине Телепневу-Оболенскому. Со стороны знати «*глас зависти*» вызывался фаворитизмом князя Овчины. Архаизм «*глас*» способствовал усилению у читателя впечатления недовольства режимом правления регентши и ее фаворита. Оно хорошо поясняет следующую фразу Карамзина, содержащую еще один архаизм-славянизм — «*здравием*» во фразе «*Великая Княгиня, юная летам, цветущая здравием, вдруг скончалась*» [7, т. 8, стб. 28-29]. Архаизм «*здравие*» слабее архаизма «*глас*» по степени воздействия на читателя, но и он способен дополнительно привлечь внимание к проблеме неожиданной смерти правительницы в 1538 г.

Одним из наиболее достойных лиц времени Ивана Грозного Н.М. Карамзин считал митрополита Филиппа Колычева, решительного противника бесчинств опричнины. Подведение читателя к создававшемуся им образу святителя историк начал с фразы: «*Среди хладных волн Белого моря*» [10, т. 11, стб. 54], и далее говорится о Филиппе — игумене Соловецкого монастыря, которым он был до того, как стал митрополитом. В этой фразе архаизмом выступает прилагательное в родительном падеже множественного числа «*хладных*». Оно помогало создавать положительный образ Филиппа.

Говоря о впечатлении от знакомства с источниками, описывавшими злодеяния царя и опричников, Карамзин заявлял: «*Невозможно без трепета читать в записках современных о всех адских вымыслах тиранства, о всех способах терзать человечество*» [10, т. 11, стб. 97]. В этом пред-

ложении использован яркий архаизм, которым является существительное в родительном падеже «*без трепета*». Он создавал впечатление ужаса не только от содержания источников, но и от самой опричнины, более глубокое, чем современный для начала XIX в. оборот «*без ужаса*». Еще раз этот архаизм был употреблен Карамзиным при описании убийства в 1582 г. Иваном Грозным своего сына, царевича Ивана Ивановича. Когда царь увидел, что царевич «*упал, обливаясь кровию*», он был «*в трепете*» и «*воскликнул: "я убил сына!"*» [10, т. 11, стб. 208]. Архаизм передавал смятение царя. Этот архаизм, обозначенный Ожеговым как книжный [12, 808], позволял историку и художнику наглядно передать сильное чувство.

При описании гибели 15 мая 1591 г. царевича Дмитрия Ивановича Н.М. Карамзин несколько раз использовал архаизмы. Считая, что царевич был убит людьми Бориса Годунова, он отмечал: «*Сии изверги, невидимым Судиею ознаменованные для праведной казни, не успели или боялись скрыться*» [10, т. 10, стб. 78]. В этом предложении два архаизма. Одно — местоимение «*Сии*», другое — существительное в творительном падеже «*Судиею*». Оно является производным от архаизма «*судия*» вместо современного Карамзину «*судья*». Еще один архаизм, существительное «*Душегубец*», имеет однокоренные слова, которые встречаются в русских законодательных источниках. Двинская уставная грамота 1397 г. великого князя Василия Дмитриевича упоминала «*душегубца*» [13, 163], или убийцу. Белозерская уставная грамота 1488 г. называла среди тяжких уголовных преступлений «*душегубство*» [13, 172], или убийство. При Иване Грозном это слово сохранялось. В Судебнике 1550 г. говорилось, что если «*побьюцца на поле в пожесе, или в душегубстве, или в розбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити*» [14, 235]. В этой фразе традиционный оборот «*в душегубстве*» сосуществует с упоминанием об «*убитом*». В ходе развития русского языка слово «*убийство*», производное от упоминания об «*убитом*», вытеснило слово «*душегубство*». Ниже Карамзин приводил архаичную форму от существительного «*убийство*» — «*убиение*» [10, т. 11, стб. 56].

Рассматривая закрепощение крестьян, Н.М. Карамзин отмечал, что «*крестьяне искони имели в России гражданскую свободу*» [10, т. 10, стб. 120]. Архаизмом является наречие «*искони*». Оно употреблено в старейшей из дошедших до нас русских рукописных книг — в Остромировом евангелии, но во времена Карамзина оно устарело. Это слово должно было создать впечатление, что свобода крестьянства на Руси уходила в далекое прошлое.

В изложенной Карамзиным соборной грамоте об избрании на престол Бориса Годунова упоминалось об обязательстве «*для всех чиновников*»

«не доводить Государя до кручины» [10, т. 11, с. 7]. В данном случае архаизмом выступало существительное в родительном падеже «кручины». По замечанию С.И. Ожегова, это слово было характерно для «народной словесности». Оно звучало как архаизм со значением «горе, тоска, печаль» [12, 311]. Этот архаизм помогал выразить торжественность избрания царя. Говоря о начальном периоде пребывания на престоле Бориса, историк спрашивал: «наслаждался ли Годунов в полной мере своим величием, коего алкала душа его – величием, купленным столь дорогою ценою?» [10, т. 11, с. 55]. В приведенном отрывке архаизм – глагол прошедшего времени «алкала». Он употреблялся в начале XIX в. для придания значимости тому, о чем говорил автор. В комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедов, упоминая стремившегося к знаниям современника, писал: «В науки он вперит ум, алчущий познаний» [15, 64]. Архаичный глагол «алкала» в сочетании с существительным «душа» мог оказать сильное воздействие на читателя.

Таким образом, в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин прибегал к употреблению речевых архаизмов. Это употребление было достаточно взвешенным и в то же время весьма точным. Оно способствовало формированию таких образов и сюжетов прошлого, которые прочно запечатлевались в сознании читателя и создавали соответствовавшие им настроения читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А.С. Карамзин / А.С. Пушкин. – Собр. соч. : в 10-ти т. – М., 1976. – Т. 7. – С. 238-240.
2. Эйдельман Н.Я. Последний летописец / Н.Я. Эйдельман. – М., 1983.

Шевцова О.Н.

Южный федеральный университет.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры языка СМИ и рекламы факультета филологии и журналистики.

e-mail: oksana_shevtsova@bk.ru

3. Залыгин С.П. Универсальность творческой личности / С.П. Залыгин // Венок Карамзину. – М., 1992. – С. 11-21.

4. Кутина Л.Л. Историческая повесть Н.М. Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода. Стилистические наблюдения» / Л.Л. Кутина // Очерки по стилистике. – СПб., 1994. – С. 58-107.

5. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – В 4-х кн. – М., 1988. – Кн.1.

6. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – М., 2000. – Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода.

7. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – В 4-х кн. – М., 1989. – Кн. 2.

8. ПСРЛ. – М., 1998. – Т.1. – Лаврентьевская летопись.

9. Ключевский В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. – Соч. : в 8-ми т. – М., 1957. – Т. 3.

10. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – В 4-х кн. – М., 1989. – Кн. 3.

11. Пушкин А.С. Руслан и Людмила / А.С. Пушкин. – Собр. соч. : в 10-ти т. – М., 1975. – Т. 3. – С.7-78.

12. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 70000 слов. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 22. – М., 1990.

13. Памятники русского права. Вып. 3. / Под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1955.

14. Памятники русского права. Вып. 4. / Под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1956.

15. Грибоедов А.С. Горе от ума // А.С. Грибоедов. Соч. : в 2-х т. – М., 1971. – Т. 1. – С.94.

Shevtsova O.N.

Southern Federal University.

PHD, Associate Professor of chair of media language and advertising of philology and journalism department.